

Приключения маленьких человечков

Мэри Хортон

Добывайки в воздухе

Их не видно, но они здесь!

#эксмогетсво

Приключения маленьких человечков

Мэри Нортон

Добывайки в воздухе

«ЭКСМО»

1961

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Нортон М.

Добывайки в воздухе / М. Нортон — «Эксмо»,
1961 — (Приключения маленьких человечков)

ISBN 978-5-699-99960-6

Сказочная история о маленьких человечках-добывайках, которые живут рядом с нами и потихоньку «одалживают» разные вещи. Добывайкам Курантам невероятно повезло поселиться в настоящем кукольном домике рядом с игрушечной железной дорогой. Но неожиданно все семейство было украдено. Как же маленьким человечкам вырваться из неволи? Возможно... по воздуху?

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-99960-6

© Нортон М., 1961

© Эксмо, 1961

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мэри Нортон

Добывайки в воздухе

© Text, Mary Norton 1961

© Illustrations, Emilia Dziubak 2015

© Г. Островская, перевод на русский язык, наследники, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Многим казалось странным, что на свете существуют два игрушечных городка, да ещё рядом друг с другом (по правде сказать, имелся и третий – у девочки по имени Агнес Мерси Фостер, – но там никто не бывал и его можно не брать в расчёт, потому что построили его ненадолго).

Один игрушечный городок находился в Фордэме, назывался «Литл-Фордэм» и принадлежал мистеру Потту. Другой был в Уэнт-ле-Крейсе, назывался «Беллихоггин» и принадлежал мистеру Платтеру.

Начал всё это тихо и мирно, для собственного удовольствия и развлечения, мистер Потт, а последовал за ним, причём совсем по другим соображениям, деловой мистер Платтер.

Мистер Потт служил раньше на железной дороге путевым обходчиком и однажды вечером, в полутьме, на пустынном участке пути потерял одну ногу, но не по небрежности, а потому что хотел спасти жизнь барсуку. Мистер Потт всегда волновался из-за лесных тварей: одноколейка шла через лес, а в сумерках барсуки выходили на прогулку и с сопением трусили по шпалам. Особой угрозы для них не было, разве что два раза в году, когда последний поезд из Хаттерс-Кросса пересекал лес ранним вечером – в излюбленное барсуками время для вылазок. Поезд исчезал, и в лесу снова наступала тишина; лисицы, кролики и зайцы перебегали рельсы без опасности для жизни, опять принимались выводить рулады соловьи.

В те ранние дни существования железной дороги уединённая сигнальная будка, где жил мистер Потт, была для него родным домом. Там у него имелся чайник и стол под плюшевой скатертью, стояло вагонное кресло со сломанными пружинами, висели масляные фонари. Скоротать время между редкими поездами мистеру Потту помогали лобзик, коллекция марок и захватанная пальцами Библия, которую он иногда читал вслух. Мистер Потт был хороший человек, очень добрый и деликатный, любил своих ближних почти так же, как поезда. Лобзиком он выпиливал из старых коробок для сигар ящички в виде домиков для сбора денег в Железнодорожный благотворительный фонд, и ни один из них не походил на другой. В первое воскресенье каждого месяца мистер Потт, сев на велосипед, объезжал свой городок, вооружившись отвёрткой и небольшой чёрной сумкой. У каждого дома он отвинчивал крышку прибитого снаружи ящичка и, пересчитав деньги, кидал их в свою сумку. Иногда (не часто) ящик оказывался пустым, и мистер Потт печально бормотал, отъезжая: «Лисичка снова наведлась в курятник».

Время от времени мистер Потт рисовал картинки, маленькие и очень подробные. На двух была городская церковь, на трёх – дом священника, на двух – почта, на трёх – кузница, и на одной – его собственная сигнальная будка. Он давал их в качестве приза тем, кто собирал больше всех денег в благотворительный фонд.

В ту ночь, о которой идёт речь, барсук укусил мистера Потта – вот в чём вся беда. Мистер Потт растерялся, и секундная задержка стоила ему ноги. Он так и не увидел следа барсучьих зубов – отрезали вместе с ногой... Барсук убежал цел и невредим.

Железнодорожный благотворительный фонд вёл себя благородно. Мистеру Потту не скупясь выплатили единовременное пособие и приискали домик за пределами городка, там, где на берегу ручья стояли три старых тополя. Вот здесь-то, в своём саду, мистер Потт и стал строить на насыпи железную дорогу.

Сперва он купил подержанный набор игрушечных поездов. О том, что они продаются – вместе с электрической батареей, которая приводит их в движение, – мистер Потт прочитал в местной газете. Поскольку в его крошечном домике было для этого тесно, он уложил рельсы в саду. Рельсы ему помог сделать кузнец, но со шпалами управился сам: вырезал их в одну двадцатую натуральной величины и надёжно закрепил на насыпи – так же, как раньше закреп-

лял настоящие шпалы, – а затем просмолил. Когда светило солнце, они пахли как настоящие, и мистер Потт садился на землю, вытягивал вперёд деревянную ногу, закрывал глаза и вдыхал милый сердцу запах, который словно по волшебству переносил его в былые дни. Но чего-то не доставало. Дыма – вот чего! Да, мистеру Потту нужен был дым, и не только запах его, но и вид. Позднее с помощью мисс Мэнсис из Хай-Бич мистер Потт решил эту задачу.

Сигнальную будку он построил из прочного кирпича. Она была как две капли воды похожа на его старую будку: такое же деревянное крыльцо и всё прочее. Мистер Потт вставил в окна настоящие стёкла и сделал так, что створки открывались и закрывались (зря, что ли, подумал мистер Потт, сохранил все наклейки от коробок с сигарами, которые получал по праздникам от дирекции дороги). Кирпичики он изготовил из красных кирпичей, которые взял в полуразрушенном свинарнике, раздробил, истолок в мелкую пыль и смешал с цементом. Эту смесь он выливал в форму и ставил на большой жестяной поднос. Форма была сделана из старого корсета со стальными пластинками; после того как кузнец спаял их крест-накрест, получилась решётка с крошечными прямоугольными отверстиями. При помощи этого приспособления мистер Потт получал пятьсот кирпичиков за раз. Иногда, чтобы изменить их цвет, он добавлял в свою смесь измельчённую охру или красную кошениль. Крышу сигнальной будки он покрыл шифером – тонкими чешуйками соответственной величины всё с того же свинарника.

Прежде чем укрепить на стенах крышу, мистер Потт взял комок цементного теста и скатал своими старыми, одревенелыми ладонями четыре колбаски для рук и ног и одну – покороче и потолще – для туловища, слепил яйцо-голову и приладил к плечам. Затем кое-где сдвинул фигурку и снял то, что было лишним, ороговевшим ногтем, но результат его не удовлетворил. Чтобы придать неуклюжей кукле больше сходства – ведь он хотел сделать автопортрет, – мистер Потт отсёк ей одну ногу до колена и всунул туда спичку, а когда цемент затвердел, покрасил его сверху: синяя железнодорожная форма, розовое лицо – и приклеил на голову клочок седого мха. Помещённая в будку, фигурка гораздо больше походила на человека и даже вселяла страх – неподвижная, впившая застывший взгляд в окно.

Но сама сигнальная будка казалась совсем настоящей: крыльцо из посеребренного от времени дерева, жёлтый лишайник на шиферной крыше, неровно выцветшие от непогоды кирпичи, распахнутые окна и – время от времени – звонкое щёлканье сигналов.

Сильно стали докучать мистеру Потту соседские ребята: то и дело стучались к нему и просили показать железную дорогу. Когда мистер Потт сидел на полу, выставив вперёд деревяшку, ему было не так-то легко встать, тем более быстро, но он терпеливо, хотя и с трудом, поднимался и, стуча деревяшкой, ковылял к двери, чтобы впустить незваных гостей. Вежливо поприветовавшись, он провожал их в сад через судомойню. Драгоценное рабочее время уходило на ответы, объяснения и суету. Иногда, пока шли расспросы, пересыхал цемент или остывал паяльник, поэтому вскоре мистер Потт установил правило – принимать посетителей только в субботу и воскресенье, и по этим дням двери его дома были всегда открыты. На столе в судомойне он поставил один из своих ящичков для сбора пожертвований, а поскольку к нему стали навещать и взрослые, просил платить за вход одно пенни и выручку отсылал в благотворительный фонд. Дети по-прежнему пропускаясь бесплатно.

После того как мистер Потт смастерил железнодорожную станцию, интерес к его дороге возрос, всё больше людей приходили на неё посмотреть, и всё больше становилась выручка. Станция была точной копией городской станции, и мистер Потт назвал её «Литл-Фордэм». Название это было выложено белыми камешками на насыпи, покрытой мхом.

Прежде чем увенчать вокзал крышей, мистер Потт обставил комнаты внутри. В зале ожидания появились тёмные жёсткие скамьи, в кабинете начальника станции – высокая деревянная конторка с отделениями для билетов. Кузнец (юноша по имени Генри, который к этому времени горячо разделял увлечение мистера Потта) выковал ему из мягкой стали камин. Они

подожгли сухой мох и сосновые иглы, чтобы проверить тягу, и убедились, что труба тянет хорошо.

Но когда крыша оказалась на месте, всё это оказалось скрытым для глаз. Заглянуть внутрь через окна можно было, только если лечь на землю, да и то лишь до тех пор, пока мистер Потт не сделал платформу. Крышу платформы он окаймил тончайшей деревянной резьбой, на столбах висели старомодные лампы, которые мистер Потт заправлял маслом, чтобы по вечерам горели.

При скрупулёзности мистера Потта и стремлении всё доводить до совершенства постройка станции заняла два года семь месяцев, а затем он принялся за городок.

Глава вторая

Мистер Потт никогда не слышал о мистере Платтере, как и тот не слышал о мистере Потте.

Мистер Платтер был владельцем похоронного бюро и строительным подрядчиком в Уэнт-ле-Крейсе, городке на другом берегу реки, в которую впадал ручей, протекавший за садом мистера Потта. Они жили совсем недалеко один от другого, но по дороге через мост путь между ними был немалый. У мистера Платтера был прекрасный кирпичный дом у шоссе, ведущего в Бедфорд, с гравийной подъездной дорожкой и садом, спускающимся по склону к реке. Мистер Платтер сам построил его и назвал «Беллихоггин». Больше всего на свете мистер Платтер любил деньги, поэтому всю жизнь копил, копил, так что скопил довольно много. На беду, люди стали умирать реже, а когда закрылась кирпичная фабрика, желающих поселиться в тех краях стало не так уж много, потому что кое-как построенные мистером Платтером домишки для рабочих совершенно испортили ландшафт.

Некоторые из этих домиков так и остались не у дел, и он помещал объявления в местной газете, где предлагал их «пожилым, удалившимся на покой парам». Он сердился, если, отчаявшись найти других арендаторов, был вынужден сдавать домик внаём молодожёнам, потому что умел и любил устраивать дорогие похороны и предпочитал иметь более пожилых клиентов – так сказать, впрок. У мистера Платтера было непроницаемое лицо и очки без оправы, отражающие свет, поэтому глаз его рассмотреть никому не удавалось, однако держался он на редкость вежливо и мягко, так что всё сказанное им принималось на веру. Милый мистер Платтер всегда так добр, говорили родные усопшего, что им и в голову не приходило проверить счета.

Мистер Платтер, низенький и тощий, казался ещё меньше рядом с миссис Платтер, дамой внушительных размеров. У обоих был розовато-лиловый цвет лица, только у мистера Платтера оттенок был скорее лиловый, а у миссис Платтер – розовый. Женой миссис Платтер была образцовой, и оба супруга с утра до ночи трудились, не жалея сил.

Всё больше домиков оставалось пустыми, всё реже происходили погребения, и у мистера Платтера оказалось слишком много свободного времени. Он никогда не любил сидеть без дела и, чтобы убить время, взялся за цветоводство. Все его цветы содержались как узники – крепко привязанными к колышкам; стоило им чуть-чуть изогнуться или пустить побег не в ту сторону, тут же следовало наказание: здесь подрезали, там подстригали – цветы должны расти по нитке. Скоро растения сдались и безропотно стояли рядами, как гвардейцы по команде «смирно». На лужайки мистера Платтера тоже стоило посмотреть: очищенные от сорняков, аккуратно скошенные, они полого спускались к реке. Одного взгляда на мистера Платтера с мотыгой в руках было достаточно, чтобы самое хитрое семечко одуванчика, уже поднявшееся в воздух, проворно свернуло в сторону в середине пути; говорят даже, что маргаритки, внезапно осознав, где находятся, в одночасье стали из розовых белыми.

Миссис Платтер в расчёте на проезжающие по шоссе автомобили повесила объявление: «Чай» – и поставила на траве у дороги прилавок, чтобы продавать цветы и фрукты. Сперва дела шли у них не очень хорошо, но однажды мистера Платтера осенило и он написал новое объявление: «Чай на берегу реки».

Вот теперь автомобили стали возле них останавливаться. А уж пройдя вместе с хозяйкой за дом и усевшись за столик, проезжающие поневоле пили «общий чай», так как другого не было. Угощение это было дорогим, хотя вместо масла к хлебу подавали маргарин и ядовито-розовый липкий джем, который миссис Платтер покупала прямо на фабрике в больших жестяных банках. Миссис Платтер продавала также лимонад в стеклянных бутылках с мраморными пробками, воздушные шарики и бумажные мельницы. Покупателей становилось всё

больше. Велосипедисты были рады немного посидеть, а те, кто ехал в автомобилях, – снять пыльное пальто и очки и размять ноги. Дела у Платтеров пошли хорошо.

Они и не заметили, как постепенно всё переменялось. «Троица, – сказал мистер Платтер, когда они переставляли столики на пустой лужайке, чтобы не погубить траву. – Все на гулянье».

Мистер Платтер подумал было купить мороженицу, но решил подождать: нет, деньги выложить он был не прочь, но только в том случае, если видел, что затраты окупятся с лихвой.

Вместо этого он починил старую плоскодонку и с помощью сачка для ловли креветок почистил реку. Он хотел добавить к объявлению слова: «Катание на лодке», – но миссис Платтер отсоветовала: боялась, что будут жалобы, так как при всём желании, хоть гребки, хоть тол-

кай шестом, единственное, что можно сделать, – это объехать на лодке вокруг заросшего крапивой островка.

Но праздники в августе потерпели полное фиаско: десять порций чая в субботу, одиннадцать – в воскресенье и семь – в понедельник.

– Ничего не могу понять, – в который раз повторяла миссис Платтер, когда они с Агнес Мерси собирали в корзину чёрствые булочки для кур. – В прошлом году не хватало столов, люди стояли в очереди.

Агнес Мерси уже исполнилось пятнадцать. Она сделалась крупной, медлительной, приметливой девочкой и казалась старше своих лет. Это была её первая работа и называлась «ходить на подмогу к миссис Платтер».

– Миссис Рид тоже стала теперь пить чаем, – сказала как-то Агнес Мерси, когда они делали бутерброды.

– Миссис Рид из Фордэма? Миссис Рид из «Короны и якоря»? – Миссис Платтер редко ездила в Фордэм – это было, как она говорила, «не по пути».

– Угу, – сказала Агнес Мерси.

– В цветнике?

Агнес Мерси кивнула:

– И во фруктовом саду тоже. На следующий год они приспособят амбар.

– А чем она заманивает? Я хочу сказать, реки-то там нет. Может быть, клубникой?

Агнес Мерси покачала головой:

– Нет, это всё из-за игрушечной железной дороги...

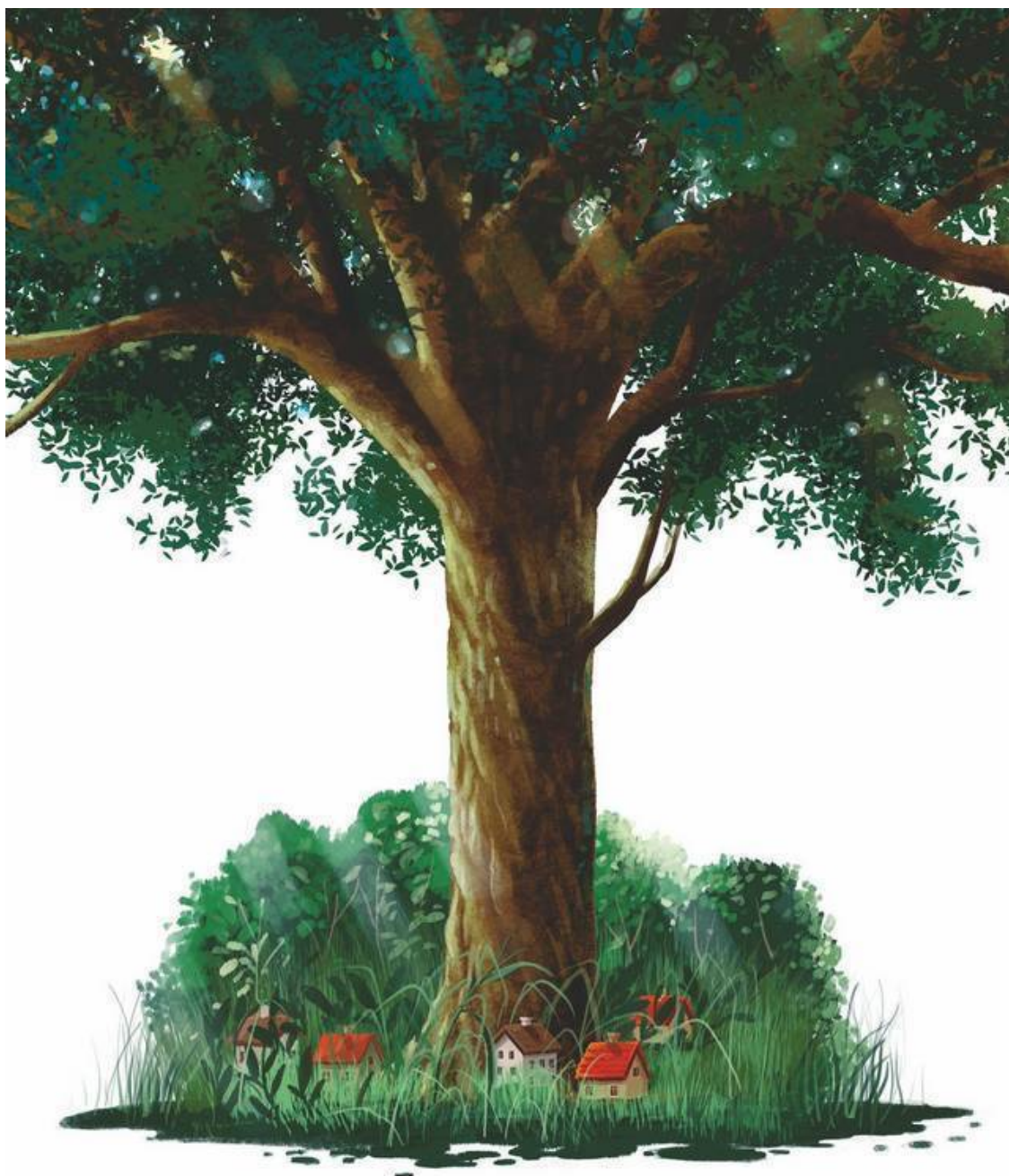
И, как всегда медленно, под градом вопросов рассказала миссис Платтер о мистере Потте.

– Игрушечная железная дорога... – задумчиво произнесла миссис Платтер после небольшого молчания. – Что ж, в эту игру можно играть и вдвоём.

Мистер Платтер в два счёта соорудил игрушечную железную дорогу. Нельзя было терять ни одной минуты, и он, не скупясь, выложил на это деньги. Мистер Потт работал не торопясь, но опередил их на несколько лет. Мистер Платтер вызвал всех своих строительных рабочих. На остров перебросили мостик, сам остров очистили от сорняков, проложили дорожки, уложили дёрн. Мистер Платтер съездил в Лондон и купил два набора самых дорогих поездов, какие были в продаже, багаж и пассажиров, а также две железнодорожные станции, одинаковые как две капли воды, зато куда более современные, чем станция в Литл-Фордэме. Из Лондона приехали мастера, чтобы поставить сигнальные будки, положить рельсы, отрегулировать стрелки и установить электрические батарейки для движения поездов. И сделано это было всего-навсего за каких-то три месяца.

Это принесло свои плоды. К началу следующего лета рядом с объявлением «Чай на берегу реки» появилось объявление «Игрушечная железная дорога».

Люди повалили к ним валом. Мистеру Платтеру пришлось скосить луг и вымостить булыжником, чтобы было где ставить машины. К стоимости «общего чая» прибавился шиллинг за право пересечь мостик и посмотреть железную дорогу. К середине лета асфальтированные дорожки на островке искрошились, и их пришлось заново покрывать, а также выстроить второй мостик, чтобы люди не задерживались на острове. Мистер Платтер поднял входную плату до полутора шиллингов с человека.

Вскоре появились асфальтовая площадка для машин и специальное место для фургонов, а также каменный жёлоб с проточной водой для лошадей. В Беллихоггин стали приезжать на пикник целыми компаниями: ели, пили чай и оставляли после себя кучи мусора.

Но мистера Потта всё это ничуть не тревожило. Он вовсе не гнался за посетителями – они отнимали время и мешали работе. Он и пускал-то к себе только ради своего любимого Железнодорожного благотворительного фонда.

Мистер Потт не принимал никаких мер, чтобы обеспечить посетителям хоть какие-то удобства. Этой стороной дела занималась миссис Рид, хозяйка трактира «Корона и якорь», – естественно, не без выгоды для себя. Вся железная дорога мистера Потта была видна со ступенек его чёрного хода, ведущих в сад, и посетителям приходилось проходить через дом; само

собой, когда они оказывались на кухне, он радушно угощал их стаканом холодной воды из-под крана.

Когда мистер Потт построил церковь, она ни на каплю не отличалась от норманнской церкви в Фордэме: были и колокольня, и могильные памятники на погосте, и всё остальное. Мистер Потт больше года собирал камень для церкви, прежде чем приступить к работе. Ему помогали каменобойцы, дробившие камень на щебень у шоссе, и каменщик мистер Флад. К этому времени у мистера Потта появилось в городке несколько помощников: кроме кузнеца Генри с ним подружилась мисс Мэнсис из Хай-Бич. Мисс Мэнсис была очень полезна мистеру Потту, так как увлекалась резьбой по дереву, ручной вязкой и лепкой из воска. Жила она тем, что писала детские книги, придумывала и разрисовывала рождественские открытки. А ещё мисс Мэнсис верила в эльфов.

Когда мистер Платтер услышал о церкви – а это случилось не сразу: ведь, пока церковь не была закончена, мистер Потт накидывал на неё мешковину в те дни, когда его дом открывался для посетителей, – то тут же выстроил свою церковь, куда больше, скопировав её с собора в Солсбери, и высоченную колокольню. Стоило нажать кнопку, в окнах зажигался свет, а при помощи фонографа внутри звучала музыка. За последнее время выручка в Беллихогтине стала меньше, но теперь снова подскочила вверх.

Тем не менее мистер Платтер не знал ни минуты покоя. Мистер Потт стоял ему поперёк горла: невозможно было предугадать, что ещё придумает этот странный человек, который всё делал не за страх, а за совесть и никогда не порол горячку. Когда мистер Потт смастерил два глинобитных домика с крышами из тростника, сборы мистера Платтера упали и не поднимались в течение нескольких недель. Мистер Платтер был вынужден отгородить часть острова и с быстротой молнии построить там несколько таунхаусов и закусочную. То же самое случилось, когда мистер Потт соорудил лавку, где выставил в витринах товары, сделанные из крашеного воска, – подарок мисс Мэнсис из Хай-Бич. Понятно, мистер Платтер тут же построил кучу магазинов и парикмахерский салон с полосатым шестом у входа.

А через некоторое время мистер Платтер нашёл способ подсматривать за мистером Поттом.

Глава третья

Он починил плоскодонку, которая, пока стояла без употребления, снова наполнилась водой.

Заросшая водорослями река и её петляющие притоки образовывали сеть, пересечь которую и попасть из одного городка в другой – с одного обрывистого берега на другой – можно было или по редким мостикам, или вброд. «Но если удастся пробраться с лодкой через камыш, – подумал мистер Платтер, – по реке до Потта рукой подать, а там уж ничего не стоит посмотреть, что у него делается, спрятавшись за ивами у воды».

Так он и поступал летними вечерами, когда деловой день подходил в концу. Вылазки эти не доставляли мистеру Платтеру удовольствия, но он чувствовал, что это его долг. Его кусали комары, жалили слепни, царапал колючий кустарник, и когда он возвращался домой и докладывал обо всём миссис Платтер, настроение у него было хуже некуда. Иногда он застревал в тине, иногда, при низкой воде, ему приходилось вылезать за борт прямо в вязкий ил и лягушачью икру, чтобы перетащить лодку через какое-нибудь невидимое препятствие вроде затонувшего бревна или колючей проволоки. Но он нашёл местечко чуть подалее тополей, за пологом серебристых трепещущих листьев ивы, где с пенька весь игрушечный городок мистера Потта был виден как на ладони.

«Тебе не следует этого делать, душенька, – говорила миссис Платтер, когда, багрово-красный, покрытый потом, он, тяжело дыша, опускался в сад на скамейку. – В твоём возрасте, с твоим давлением!»

Но протирая места комариных укусов нашатырным спиртом и прикладывая примочки туда, где его ужалили осы, она не могла не признать, что, вообще-то говоря, сведениям, которые приносит муж, нет цены. Только благодаря мужеству и стойкости мистера Платтера они узнали о начальнике станции, и двух носильщиках, и священнике в сутане, который стоял у входа в церковь мистера Потта. Каждую из этих фигурок вылепила мисс Мэнсис, она же и одела их как положено, и одежду промаслила, чтобы её не испортил дождь.

Это открытие, которое он сделал как раз накануне начала сезона, потрясло мистера Платтера.

– Совсем как живые... иначе не скажешь. Куда до них мадам Тюссо! Так и ждёшь, что кто-нибудь из них с тобой заговорит, понимаешь? – рассказывал он жене. – Достаточно, чтобы нас разорить. Так бы и произошло, если бы я вовремя их не увидел.

Однако он их увидел, и увидел вовремя, так что скоро обитатели появились в обоих городках. Но фигурки мистера Платтера были куда менее натуральные, чем фигурки мистера Потта. Слепили их в спешке, одежду сделали из гипса, раскрасили в кричащие цвета и покрыли лаком. Чтобы это возместить, их сделали в большом количестве, причём самых разных: там были почтальоны, солдаты, моряки, продавцы молока и дети. На ступени церкви мистер Платтер поставил епископа в окружении мальчиков-певчих; все – на одно лицо, с разинутыми ртами, все в одинаковых белых одеждах из гипса, с одинаковыми сборниками церковных гимнов в руках.

– Вот эти точно как живые, – не раз с гордостью говорила миссис Платтер.

И в ответ ей в церкви гудел орган.

А затем настал ужасный вечер, который на всю жизнь врезался им в память, когда, возвратившись с лодочной прогулки, мистер Платтер еле поднялся от реки на лужайку. Миссис Платтер мирно сидела за столиком с белым котом на коленях и считала дневную выручку; усыпанный мусором сад купался в лучах вечернего солнца, на деревьях попискивали засыпающие птицы.

...он нашёл местечко чуть подальше тополей, за пологом серебристых трепещущих листьев ивы...

– Что случилось? – воскликнула миссис Платтер, увидев его лицо.

Мистер Платтер тяжело опустился на зелёный стул напротив неё, толкнув столик и рассыпав стопку монет. Напуганный кот, полный дурных предчувствий, стрелой кинулся в кусты. Мистер Платтер тупо уставился на упавшие и раскатившиеся по траве монеты, но даже не наклонился, чтобы их поднять. Не сделала этого и миссис Платтер, потому что не могла отвести глаз от лица мужа: цвет его был очень странный – тёмно-сиреневый, с фиолетовым оттенком.

– Что случилось? Почему ты молчишь? Какой ещё он выкинул номер?

Мистер Платтер устремил на неё пустой взгляд и обречённо проговорил:

– Нам крышка.

– Глупости. Что может он, можем и мы. Уже не раз так было. Вспомни про дым. Ну же, расскажи мне.

– Дым! – горько воскликнул мистер Платтер. – Тут и говорить не о чем – кусочек обугленной верёвки! Мы быстро раскусили, что там к чему. Нет, сейчас другое дело, это конец. Наша песенка спета.

– Почему ты так говоришь?

Мистер Платтер встал со стула и механически, словно сам того не замечая, принялся собирать рассыпавшиеся монеты. Сложив их в аккуратную стопку и подвинув к жене, он снова тяжело опустился на стул и сказал тем же тусклым, бесцветным голосом:

– Нам надо теперь беречь деньги.

– Право, Сидни, – сказала миссис Платтер, – ты совсем пал духом. Это не похоже на тебя. Мы ещё повоюем с этим Поттом.

– Что толку воевать, когда все козыри у него на руках? То, что я там видел, – нереально, невысказано, неосуществимо.

Глаза мистера Платтера обратились к островку, где золотые лучи заходящего солнца выхватывали среди длинных вечерних теней неподвижные, тускло поблёскивающие гипсовые фигурки, застывшие каждая в своей позе: одни, казалось, бежали, другие шли, третьи стояли у дверей, готовые постучать, четвёртые просто сидели. Окна игрушечного городка, отражая закат, горели огнём. Среди домов прыгали птицы, подбирая крошки, которые уронили посетители. Ничто, кроме птиц, не шевелилось... мёртвый покой.

Мистер Платтер моргнул и хрипло сказал:

– А я ещё так мечтал устроить крикетное поле: боулер, отбивающие с битой в руке и всё остальное. Спал и видел.

– А кто тебе мешает? – удивилась миссис Платтер.

Муж с сожалением посмотрел на неё.

– Никто. Но играть-то они не смогут... Неужели ты не понимаешь? Я же тебе говорю: то, что я там видел, – нереально, невысказано, неосуществимо.

– Да что же такое ты видел? – не на шутку испугалась миссис Платтер, вдруг тоже почувствовав, что пришла беда.

Мистер Платтер устало взглянул на неё и медленно произнёс:

– У него там живут... несколько штук... живые человечки.

Глава четвёртая

Первой их увидела мисс Мэнсис, та самая, что верила в эльфов, и, как девчонка, задыхаясь от восторга и волнения, побежала к мистеру Потту.

Мистер Потт как раз заканчивал вывеску «Корона и якорь» для своего миниатюрного трактира и говорил в ответ лишь «да», «нет» «неужто?». Иногда, заметив, что голос мисс Мэнсис лихорадочно повышается, он восклицал: «Поди ж ты!» – или: «Подумать только!» Сначала первое из этих выражений тревожило мисс Мэнсис: она смущённо замолкала, голубые глаза наполнялись слезами, – но постепенно она стала расценивать его как признак крайнего удивления со стороны мистера Потта и, когда он говорил: «Поди ж ты!» – принимала это за комплимент.

– Но это же правда: они живые! Они такие же живые, как мы с вами, и поселились в Виноградном домике... Да вы и сами увидите, если посмотрите, какую тропинку они протоптали ко входу.

Мистер Потт, удерживая пинцетом болтавшуюся вывеску, посмотрел в глубь сада, на Виноградный домик, чтобы ей угодить, но вскоре, так и не поняв, о чём она толкует, хмыкнул и вернулся к своей работе, то и дело повторяя:

– Ну и ну! Скажите на милость!

Мистеру Потту и в голову не приходило слушать мисс Мэнсис, когда она «заводилась», как он это называл. Он кивал ей и улыбался, но её слова проходили мимо его сознания. Он научился этому, когда жил со своей – покойной ныне – женой по прозвищу Сорока. Мисс Мэнсис говорила таким странным высоким, переливчатым голосом, употребляла такие диковинные слова и выражения и даже, к ужасу мистера Потта, читала ему стихи. Нет, он ничего не имел против мисс Мэнсис, наоборот. Он был рад, когда она приходила; ему нравилась её длинноногая фигура, нравились её девичьи повадки, её радостный смех; она всегда казалась по-детски счастливой, а от её щебета, как от песни канарейки, у него делалось весело на душе. А в каком долгу он был у этих неутомимых пальцев, которые мастерили одно, чинили другое, которые не только умели рисовать, чертить, шить, лепить и вырезать из дерева, но и могли также проникнуть туда, куда пальцам самого мистера Потта, толстым и одеревеневшим, было не попасть. Быстрая, как вспышка молнии, – вот какая она, жизнерадостная, как жаворонок, надёжная, как скала... «У всех нас есть свои недостатки, – говорил себе мистер Потт, – не одно, так другое...» У мисс Мэнсис это были «тары-бары».

Мистер Потт знал, что она уже немолода, но когда она сидела рядом с ним на траве, закрыв глаза и обхватив тонкими руками согнутые колени, и трещала без умолку, покачиваясь взад-вперёд, она казалась ему чем-то вроде вытянувшейся не по возрасту школьницы.

А как хороши у неё глаза! Скорее как фиалки, чем незабудки, они освещали, когда были открыты, всё её длинное худощавое лицо, но она застенчиво отводила их в сторону, если на неё смотрели в упор. Сейчас они сияли; поблёскивали суставы длинных пальцев, туго стиснутых на поднятых коленях; даже у её шелковистых, мышиного цвета волос внезапно появился блеск.

– Понимаете, главное – не показывать, что вы их увидели. Замереть, застыть... и никогда не смотреть на них прямо, только уголком глаза. Вроде как на птиц, когда не хочешь их спугнуть.

– ...Их спугнуть, – подтвердил мистер Потт, поскольку мисс Мэнсис приостановилась.

Иногда, чтобы выказать симпатию к ней и скрыть, что он слушает её вполуха, мистер Потт повторял конец последней фразы мисс Мэнсис, а не то, опережая её, произносил последний слог. Если мисс Мэнсис говорила: «Король и королевство», – он понимающе вставлял: «...во!» Порой, задумавшись о чём-то, мистер Потт ошибался, и не успевала мисс Мэнсис сказать:

«...садовая калитка», – как, подхватив последнее слово, он говорил: «...канава», что обоих приводило в смущение.

– Понимаете, я никак не могу понять, что они такое. Я хочу сказать, по величине и вообще они больше всего похожи на эльфов. Как по-вашему? – настойчиво спросила мисс Мэнсис.

– Верно, – ответил мистер Потт, проверяя корявым пальцем, хорошо ли качается на петлях вывеска, и стараясь вспомнить, куда подевал смазочное масло.

– Нет, не верно. Этот человечек с тюком на спине, которого я видела... он пыхтел. Совсем запыхался. Эльфы не могут пыхтеть. – Мистер Потт ничего не ответил, и мисс Мэнсис звонко сказала: – Или могут?

– Что – могут? – спросил мистер Потт, глядя, как раскачивается вывеска, и огорчаясь, что так скрипит.

– Пыхтеть! – ответила мисс Мэнсис, выжидающе глядя на него.

У мистера Потта сделался тревожный вид: о чём это она толкует?

– Пыхтеть? Понятия не имею.

– И я тоже, – весело согласилась с ним мисс Мэнсис, к его огромному облегчению. – Я хочу сказать, мы, в общем, так мало знаем об эльфах...

– Верно, – подтвердил мистер Потт, снова почувствовав себя в безопасности.

– ...и об их привычках. Устают ли они и стареют ли, как мы, спят ли ночью, ведут ли домашнее хозяйство. Или про их еду. У нас так мало фактов. Мы даже не знаем, что они...

– Едят, – вставил мистер Потт.

– ...собой представляют, из чего сделаны. Вряд ли у них та же плоть и кровь, что у нас.

– Вряд ли, – согласился мистер Потт и вдруг испуганно взглянул на мисс Мэнсис: неужели она сказала «кровь»? Положив вывеску, он обернулся. – О чём, ради всего святого, вы толкуете?

– О том, что по зрелом размышлении эти существа не могут быть эльфами. Да что там! У этого человечка на штанах была дыра, и он пыхтел и отдувался, поднимаясь на холм. Там есть ещё одна – в юбке, а может быть, две – трудно разобрать, сколько их. Я видела в окне руку: кто-то протирал изнутри стекло, – но чья она, было не разобрать. Белая, как стебель колокольчика, и примерно такой же толщины. Двигалась из стороны в сторону, забиралась во все углы. А потом я нашла очки и рассмотрела её до локтя. Настоящая рука. Рука, а в ней тряпка. Я не верила своим глазам. И всё же в известном смысле это казалось естественным.

– В известном смысле, да, – согласился мистер Потт, но вид у него был растерянный.

Глава пятая

Для мисс Мэнсис началась чуть не самая счастливая пора её жизни – во всяком случае, так ей казалось потом. Она всегда любила наблюдать природу: следила за муравьями в траве, мышами в амбаре, подмечала, как плетут паутину пауки, как строят гнёзда птицы. Она могла часами не двигаться с места: глядя, как паук спускается с листка, чувствовала и себя пауком и столько раз смотрела, как они плетут паутину, что и сама могла бы её сплести, причём любой, даже самой необычной формы. По правде сказать, мисс Мэнсис порой даже критиковала работу пауков. Так, пауку, висевшему в воздухе, она шептала: «Ну куда же ты, глупый... Этот лист тебе не годится, он скоро упадёт. Попробуй зацепиться за колючку...»

И вот теперь, сидя на склоне холма, обхватив руками колени, прикрытая – так она думала – большим кустом чертополоха, мисс Мэнсис наблюдала за маленьким народцем. И всё, что видела, описывала потом мистеру Потту.

– Их трое, – сказала она через несколько дней после того, первого разговора. – Мать, отец и худенькая девочка. Сколько им лет, сказать трудно. Иногда мне кажется, там есть и четвёртый... кто-то или что-то, который то появляется, то исчезает. Какая-то неуловимая тень. Но, возможно, это просто моя...

– Выдумка, – закончил мистер Потт.

– Фантазия, – поправила его мисс Мэнсис и радостно вздохнула. – Странно, что вы их не видели.

Мистер Потт, занятый кирпичиками, не ответил, решив, что речь идёт не об игрушечном Виноградном домике у него в саду, а о настоящем доме под таким же названием в Фордэме и мисс Мэнсис передаёт ему местные сплетни.

– Вы не представляете, что они там делают. Это просто чудо! Парадная дверь не открылась: наверно, покорибилась от дождя, – и весь вчерашний день он трудился над ней, скрёб чем-то похожим на лезвие бритвы. А ещё они сняли занавески, которые я сшила для «Короны и якоря», и повесили у себя, так что теперь нельзя заглянуть в окна. Я бы и так не решилась заглядывать, понимаете, близко к ним подходить нельзя. А Главная улица такая узкая. Потрясающе, правда?

Мистер Потт что-то буркнул. Помешивая кашицу из кирпичной муки и клея, он хмурился и сердито сопел. Сплетни о соседях... он этого не одобрял никогда. И мисс Мэнсис до сих пор – тоже. Болтушка – да, но леди до мозга костей. «Это на неё не похоже, – печально думал мистер Потт, – заглядывать в чужие окна... Нет, совсем не похоже».

А она принялась рассказывать о пальто начальника станции.

– ...Понимаете, это она его взяла. Вот куда оно исчезло. Она взяла пальто для него... оно такое красивое, и пуговицы золотые... и он надевает его по вечерам, после захода солнца, когда делается прохладно. Я не удивлюсь, если она в один прекрасный день снимет со священника сутану. Ну чем не платье? И по размеру ей в самый раз. Но, конечно, это бы сразу бросилось в глаза. А они умные. Всякий бы заметил, что у священника исчезла сутана – ведь он стоит в дверях церкви у всех на виду, – в то время как увидеть начальника станции теперь трудно, нужно заглянуть внутрь вокзала: он может оставаться голым неделю за неделей, и никто об этом не узнает.

Мистер Потт перестал помешивать кирпичное тесто и возмущённо посмотрел на мисс Мэнсис. Она с испугом взглянула в его круглые сердитые глаза и с тревогой спросила:

– Что такое?

Мистер Потт с глубоким вздохом сказал:

– Если вы сами не понимаете, что толку говорить?

Не очень-то логичное высказывание. Мисс Мэнсис снисходительно улыбнулась и, положив руку ему на плечо, успокоила:

– Но им ничто не грозит, у них всё в порядке.

Мистер Потт сбросил её руку и, продолжая мешать, тяжело дыша и грохоча мастерком, сказал сурово:

– Им много чего грозит от злых языков. Я видел, как сплетни разрушали семьи и разбивали сердца.

Немного помолчав, мисс Мэнсис сказала:

– Да мне вовсе не жалко этого пальто.

Мистер Потт фыркнул, но она продолжила:

– По правде говоря, я собиралась сшить им одежду. Думаю, можно оставить её на траве: пусть нечаянно найдут, чтобы не догадались, откуда она появилась...

– Так-то лучше, – заметил мистер Потт, соскребая крошку с кирпича.

Мисс Мэнсис, ничего не сказав на это, молчала так долго, что мистер Потт искоса посмотрел на неё. Может, он был с ней слишком резок? Сжав колени руками, она сидела и улыбалась в пространство, потом вдруг прошептала:

– Понимаете, я их люблю.

Больше мистер Потт её не прерывал. Если интерес мисс Мэнсис проистекает из сердечной склонности, тогда другое дело. День за днём он кивал и улыбался, а мисс Мэнсис заливалась соловьём. Нежные весёлые слова обгоняли друг друга и растворялись в солнечном свете, отскакивая от мистера Потта: редко когда что-нибудь привлекало к себе его внимание. Так было даже в тот знаменательный день в июне, когда мисс Мэнсис, запыхавшись, кинулась на траву рядом с ним, чтобы поскорей поделиться своей потрясающей новостью.

Мистер Потт во второй раз просматривал шпалы и, держа в одной руке жестянку со смолой, а в другой – кисть, медленно продвигался вдоль рельсов, вытянув вперёд деревяшку.

Мисс Мэнсис, не переставая взахлёб рассказывать, тоже, чтобы не отстать, двигалась вместе с ним.

– ...И когда она заговорила со мной, я не поверила своим ушам. Вы бы и сами изумились.

– Возможно, – сказал мистер Потт.

– Такое крошечное создание... и ничуть меня не боится. Сказала, что наблюдала за мной много недель подряд.

– Поди ж ты! – учтиво проговорил мистер Потт, стёр с рельсов каплю дёгтя и добавил, любуясь блеском стали: – Так-то лучше. – И ещё подумал: «Нигде ни крошки ржавчины».

– Теперь я знаю, как их зовут и всё прочее. Они называют себя «добывайки».

– Догадайки? – переспросил мистер Потт.

– Нет, добывайки.

– А, догоняйки, – сказал мистер Потт, размешивая дёготь в банке, которая стояла в ведёрке с горячей водой. Потом, подняв кисточку и глядя на падающие капли, подумал: «Пожалуй, немного загустел».

– Но это не фамилия: их фамилия Куранты, а название их народа – вроде национальности, – продолжала мисс Мэнсис. – Они добывают себе пропитание, как мыши или птицы... бедняжки. Я думаю, они произошли от людей и живут на то, что перепадёт от людей же на их долю. У них нет ничего своего. И, конечно, нет денег...

Заметив, что мистер Потт сочувственно, хотя и рассеянно, покачал головой, мисс Мэнсис добавила:

– Впрочем, это неважно: деньги им ни к чему. Они бы не знали, что с ними делать. Но им нужно как-то жить...

– ...и давать жить другим, – бодро подхватил мистер Потт. Ему понравилась эта фраза: надо при случае ещё где-нибудь её вставить.

– Но они вовсе не мешают жить другим, – возразила мисс Мэнсис. – Они никогда не берут ничего существенного. Правда, я не совсем уверена насчёт пальто начальника станции... Но если подумать, ему оно нужно только для вида, а не для тепла, ведь он сделан из воска. Да оно ему и не принадлежит – сшила-то его я. И уж если об этом зашла речь, самого начальника тоже сделала я. Так что пальто это вообще-то моё, но меня оно не согреет.

– Не согреет, – рассеянно согласился мистер Потт.

– А вот добывайкам ещё как нужно тепло, а ещё топливо, и крыша над головой, и вода, но больше всего – люди, хотя им-то они и не доверяют. И правильно делают, по-моему. Стоит только почитать газеты. Но это грустно, правда? То, что они нам не доверяют, хочу я сказать. Что было бы приятней для человека – вроде меня например, – чем приютить их под своим кровом? Не то чтобы мне было одиноко, дело не в этом. – Глаза мисс Мэнсис подозрительно заблестели, слова стали обгонять друг друга. – Мои дни слишком заполнены, чтобы я томилась от одиночества. У меня столько разных увлечений, я не отстаю от жизни. И у меня есть мой старый пёс и две птички. Но всё равно это было бы так мило... Я знаю теперь их имена – Под, Хомили и маленькая Арриэтта. Эти создания умеют говорить. Вы только представьте, – она неожиданно рассмеялась, – я буду теперь шить для них с утра до ночи! Смастерю им разные вещи. Куплю что надо. Я... но мне не надо вам объяснять...

– Не надо, – сказал мистер Потт. – Я вас понимаю...

По правде говоря, ничего он не понимал. Ему казалось невежливым, хотя высказать это словами он бы не смог, что мисс Мэнсис называет семью своих новых друзей «создания». Тем более если они попали в беду... Но с другой стороны, она всегда выбирает такие странные слова и выражения...

– Наверно, девочка потому и заговорила со мной, – продолжала между тем мисс Мэнсис, – что чувствовала себя в безопасности. Они всегда...

– ...знают, – услужливо закончил мистер Потт.

– Да. Как звери, и дети, и птицы, и... эльфы.

– Ну, за эльфов я бы не поручился, – сказал мистер Потт. «И если уж на то пошло, то и за зверей».

Мистер Потт подумал о барсуке, которому спас жизнь: если бы тот знал, то он не лишился бы ноги.

– Чего только они не натерпелись, бедняжки! – Глаза мисс Мэнсис скользнули вниз и остановились у подножия холма: группки миниатюрных домиков, дымящие трубы, церковь, кузница, поблёскивающие рельсы – всё дышало миром и покоем. – Для них было чудом, сказала мне Арриэтта, попасть в наш городок.

Мистер Потт кивнул, продвинулся вперёд на два шага и переставил жестянку со смолой. Мисс Мэнсис, поглощённая своим рассказом, казалось, ничего не заметила. Обхватив колени, полувзакрыв глаза, она продолжала нараспев, словно читала стихи:

– Стояла полная луна, говорит Арриэтта, когда они сюда прибыли. Вы можете это себе нарисовать? Яркий свет, резкие тени. Им надо было занести на берег кучу всяких вещей, а легко, думаете, пробраться через камыш, что растёт у воды!.. Спиллер – так зовут дикого добывайку – провёл Арриэтту по всему городку. Они зашли на вокзал, и она увидела все эти фигуры, которые я слепила: женщину с корзинкой, и старика, и девочку, – все они сидели в ряд на скамье тихо и неподвижно, а за ними – солдат с ранцем. Пёстрые от лунного света, падавшего на них сквозь деревянную резьбу на вокзальной крыше, они были совсем как живые, говорит Арриэтта, но казалось, что они околдованы или слушают музыку, которая им со Спиллером была не слышна. Арриэтта тоже стояла тихо, глядя во все глаза на их бледные лица, освещённые луной, но тут внезапно раздался шорох и прямо по неподвижным фигурам пробежал боль-

шой чёрный жук. Арриэтта увидела, что они неживые. Вообще-то она не боится жуков, даже любит их, но здесь завизжала что есть мочи... Она говорит, в кассе растут поганки, а когда они вышли из вокзала, по Главной улице туда-сюда шныряли мыши. А на ступенях церкви стоял священник в чёрной сутане – безмолвный, неподвижный. И всюду лунный свет...

Хомили сразу приглянулся Виноградный домик. И её можно понять: он и правда радует глаз, – но дверь не открывалась – видимо, разбухла от дождей. А когда они распахнули окно, то увидели, что внутри что-то есть и пахнет сыростью. Спиллер сунул в окно руку, и знаете, что оказалось? Комната заросла травой до самого потолка. Белой, как шампиньоны, ведь росла она в темноте. Так что первую ночь добывайкам пришлось провести под открытым небом.

Но следующий день, говорит Арриэтта, был чудесным. Яркое солнце, весенние запахи и первая пчела. Понимаете, добывайкам всё так хорошо видно – каждый волосок на бархатной спинке пчелы, прожилки и переливы красок на крыльях. Мужчины – ну а как иначе их назвать? – очистили дом от сорняков, выкосив их кусочком бритвы и половинкой ножниц. Потом привели в порядок крышу. Спиллер нашёл кокон бабочки и подарил Арриэтте. Она держала его у себя до прошлой недели. Оказалось, что это «красный адмирал». Арриэтта наблюдала, как бабочка вылезает из кокона, но когда появились концы крыльев и все поняли, каких она размеров, поднялась паника. В самый последний момент им удалось вытолкнуть бабочку наружу через парадную дверь. Если бы она расправила крылья, то заняла бы всю комнату от стены до стены. Представьте, что в вашей комнате оказалась огромная, величиной со слона, бабочка и нет никакой возможности выпустить её! Фантастика! Даже подумать об этом страш...

– ...но, – добавил мистер Потт.

– Неделю спустя они обнаружили вашу кучу песка и занялись полом: углубили, засыпали песком и утрамбовали. Прыгали и топали, колотили и хлопали. Целое утро отплясывали как сумасшедшие. Ну и весело было, говорит Арриэтта. А три недели назад они добыли у вас кирпичное тесто. Вы как раз смешали клей с кирпичной пылью – помните? – для последней партии кирпичей. Они наложили его поверх песка, ну и ещё кое-что сделали, и теперь, говорит Арриэтта, пол стал ровный и гладкий. Они подметают его головками чертополоха. Но он ещё не расцвёл: лепестки стиснуты слишком тесно, – чуть позже будет удобнее...

Наконец до мистера Потта дошёл смысл её слов, и он медленно проговорил, оборачиваясь:

– Моя куча песка?

– Да, – рассмеялась мисс Мэнсис, – и ваше кирпичное тесто.

– Моё кирпичное тесто? – повторил мистер Потт и замолчал, словно обдумывая то, что она сказала.

– Да, но они берут такую малость... самую крошку.

– Моё кирпичное тесто, – повторил мистер Потт, а когда обернулся к мисс Мэнсис, лицо его было суровым, даже гневным. – Где эти люди?

– Но я же вам говорила! – воскликнула мисс Мэнсис и, поскольку он всё ещё сердился, взяла его мозолистую руку в свои, словно хотела помочь ему подняться. – Пойдёмте, я вам их покажу. Только не шумите.

Глава шестая

– Главное – не двигаться, – шепнул Под Арриэтте, когда впервые заметил мисс Мэнсис, сидевшую на корточках за кустом чертополоха. – Они не ожидают нас увидеть, и если не шевелиться, то не увидят. И никогда не смотри на них прямо, только искоса. Понимаешь?

– Ещё бы не понимать... Я слышала это сто раз: «Не двигайся, не шевелись... тихо, спокойно... ползком, тишком...» Что толку тогда жить?

– Ш-ш-ш, – сказал Под и положил руку на плечо дочери.

Последнее время Арриэтта была сама не своя: словно у неё камень на сердце, – но не грубила.

Под решил не обращать внимания на её слова: переходный возраст скорее всего.

Они стояли в жёсткой траве, доходившей до плеч, так что видны были только головы.

– Понимаешь, – прошептал едва слышно Под, – мы ей кажемся то ли цветками, то ли какими-то другими растениями. Возможно, бутонами...

– А если ей вздумается нас сорвать? – раздражённо сказала Арриэтта.

У неё ныли ноги, и страшно хотелось сесть на землю; десять минут переросли в пятнадцать, но по-прежнему никто из них не мог шевельнуться.

На травинку рядом с Арриэттой взобрался муравей, пошевелил усиками и поспешил вниз; под листом подорожника спал слизень и время от времени ворочался с боку на бок, когда лист колыхался. «Ему, наверно, что-то снится, – подумала Арриэтта, любуясь бликами на глянцевиной, серой с красным отливом коже. – Если бы отец не был таким старомодным, я рассказала бы ему про мисс Мэнсис, и мы могли бы уйти. Но, на их с мамой взгляд, если нас увидят, это позор, чуть не трагедия: надо бросать свой дом, переселяться в чужие края и там начинать всё сначала. Легко ли это для них! По их понятиям, с той минуты, как о твоём существовании узнали, жизнь твоя в опасности, и добывайка, которого увидели, должен немедленно скрыться».

– А если ей вздумается нас сорвать? – раздражённо сказала Арриэтта.

При всём том за её короткую жизнь Арриэтту видели четыре раза. Что за непонятное чувство, спрашивала она себя, так страстно влечёт её к людям? А в этот – четвёртый – раз она даже заговорила с мисс Мэнсис. Без сомнения, это опрометчивый и глупый поступок, но какой трепет восторга и ужаса её охватил, когда ей ответило это огромное создание, когда глаза великанши засияли радостью, а огромные губы раздвинула ласковая улыбка. Стоило однажды заговорить с человеком без всяких дурных последствий, и трудно было устоять от соблазна сделать это ещё раз. Арриэтта дошла до того, что сама подстерегала мисс Мэнсис: возможно потому, что её истории вызывали у великанши восхищение, а ей – когда Спиллер их покидал – часто бывало одиноко.

Ах, с каким удовольствием она вспоминала о первых днях в игрушечном городке! Как замечательно было кататься со Спиллером в поезде! Они забирались потихоньку в полупустой вагон, а когда поезд трогался, сидели так тихо и неподвижно, будто, как и прочие пассажиры, вылеплены из воска. Они ездили по кругу, десятки раз минуя Виноградный домик, а на обратном пути пересекая по мостику ручей. Над ними склонялись лица людей, они видели перед

чёрным ходом дома мистера Потта ряды туфель и сапог, видели ноги: толстые, тощие, в чулках, босые, – слышали смех и удивлённые возгласы человек. Это было страшно и упоительно, но почему-то рядом со Спиллером Арриэтта чувствовала себя в безопасности. За поездом стелился хвост дыма. Такой же дым валил из труб всех домиков – для этого в трубу засовывали пучок промоченной нитратом верёвки и прикрепляли его шпилькой-невидимкой. «Вы видели мои шпильки-невидимки?» – как-то спросила мисс Мэнсис мистера Потта (на редкость несуразный вопрос!), однако в Виноградном домике Под вытащил крючком тлеющую верёвку и зажёг вместо этого настоящий огонь, который Хомили подкармливала кусочками сальных свечей, угольной крошкой и смолистыми крупинками шлака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.